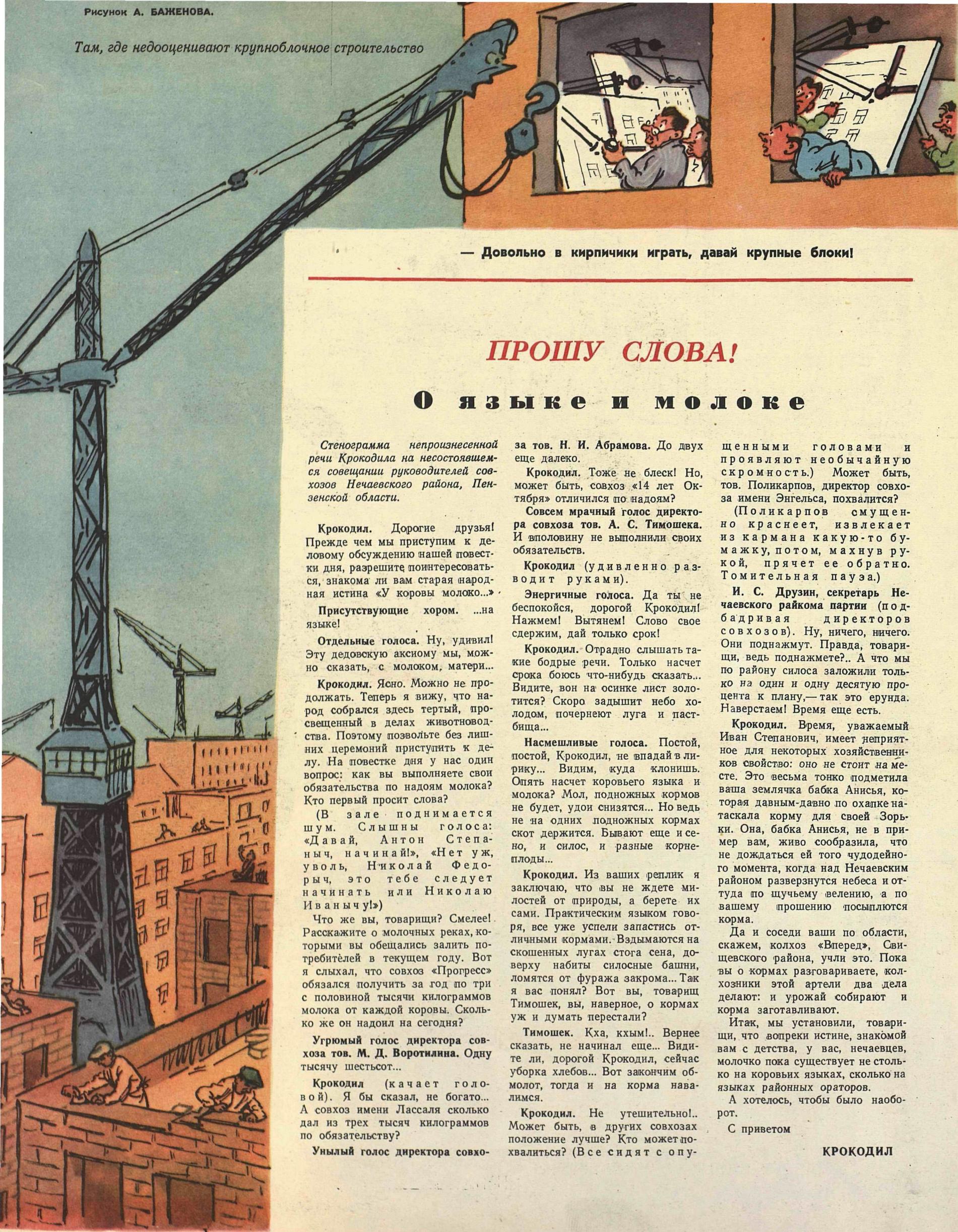

— С кем вы так успешно соревнуетесь?
— С Америкой!

КРОКОДИЛ

Там, где недооценивают крупноблочное строительство

— Довольно в кирпичики играть, давай крупные блоки!

ПРОШУ СЛОВА!

О ЯЗЫКЕ И МОЛОКЕ

Стенограмма произнесенной речи Крокодила на несостоявшемся совещании руководителей совхозов Нечаевского района, Пензенской области.

Крокодил. Дорогие друзья! Прежде чем мы приступим к деловому обсуждению нашей повестки дня, разрешите поинтересоваться, знакома ли вам старая народная истина «У коровы молоко...».

Присутствующие хором. ...на языке!

Отдельные голоса. Ну, удивил! Эту дедовскую аксиому мы, можно сказать, с молоком, матери...

Крокодил. Ясно. Можно не продолжать. Теперь я вижу, что народ собрался здесь тертый, просвещенный в делах животноводства. Поэтому позвольте без лишних церемоний приступить к делу. На повестке дня у нас один вопрос: как вы выполняете свои обязательства по надоям молока? Кто первый просит слова?

(В зале поднимается шум. Слышны голоса: «Давай, Антон Степанович, начинай!», «Нет уж, уволь, Николай Федорыч, это тебе следует начинать или Николаю Иванычу!»)

Что же вы, товарищи? Смелее! Расскажите о молочных реках, которыми вы обещались залить потребителей в текущем году. Вот я слышал, что совхоз «Прогресс» обязался получить за год по три с половиной тысячи килограммов молока от каждой коровы. Сколько же он надоил на сегодня?

Угрюмый голос директора совхоза тов. М. Д. Воротилина. Одну тысячу шестьсот...

Крокодил (качает головой). Я бы сказал, не богато... А совхоз имени Лассала сколько дал из трех тысяч килограммов по обязательству?

Унылый голос директора совхо-

за тов. Н. И. Абрамова. До двух еще далеко.

Крокодил. Тоже не блеск! Но, может быть, совхоз «14 лет Октября» отличился по надоям?

Совсем мрачный голос директора совхоза тов. А. С. Тимошека. И вполнину не выполнили своих обязательств.

Крокодил (удивленно разводит руками).

Энергичные голоса. Да ты не беспокойся, дорогой Крокодил! Нажмем! Вытянем! Слово свое сдержим, дай только срок!

Крокодил. Отрадно слышать такие бодрые речи. Только насчет срока боюсь что-нибудь сказать... Видите, вон на осинке лист золотится? Скоро задышит небо холодом, почернеют луга и пастбища...

Насмешливые голоса. Постой, постой, Крокодил, не впадай в лирику... Видим, куда клонишь. Опять насчет коровьего языка и молока? Мол, подножных кормов не будет, удои снизятся... Но ведь не на одних подножных кормах скот держится. Бывают еще и сено, и силос, и разные корнеплоды...

Крокодил. Из ваших реплик я заключаю, что вы не ждете милостей от природы, а берете их сами. Практическим языком говоря, все уже успели запастись отличными кормами. Вздываются на скошенных лугах стога сена, доверху набиты силосные башни, ломаются от фуража закрома... Так я вас понял? Вот вы, товарищ Тимошек, вы, наверное, о кормах уж и думать перестали?

Тимошек. Кха, кхм!.. Вернее сказать, не начинал еще... Видите ли, дорогой Крокодил, сейчас уборка хлебов... Вот закончим обмолот, тогда и на корма навалю.

Крокодил. Не утешительно!.. Может быть, в других совхозах положение лучше? Кто может похвалиться? (Все сидят с опу-

щенными головами и проявляют необычайную скромность.) Может быть, тов. Поликарпов, директор совхоза имени Энгельса, похвалится?

(Поликарпов смущенно краснеет, извлекает из кармана какую-то бумажку, потом, махнув рукой, прячет ее обратно. Томительная пауза.)

И. С. Друзин, секретарь Нечаевского райкома партии (подбадривая директоров совхозов). Ну, ничего, ничего. Они поднажмут. Правда, товарищи, ведь поднажмете?.. А что мы по району силоса заложили только на один и одну десятую процента к плану,— так это ерунда. Наверстаем! Время еще есть.

Крокодил. Время, уважаемый Иван Степанович, имеет неприятное для некоторых хозяйственников свойство: оно не стоит на месте. Это весьма тонко подметила ваша землячка бабка Анисья, которая давным-давно по охатке натаскала корму для своей Зорьки. Она, бабка Анисья, не в пример вам, живо сообразила, что не дожидаться ей того чудодейного момента, когда над Нечаевским районом разверзнутся небеса и оттуда по щучьему велению, а по вашему прошению посыплются корма.

Да и соседи ваши по области, скажем, колхоз «Вперед», Свищевского района, учли это. Пока вы о кормах разговариваете, колхозники этой артели два дела делают: и урожай собирают и корма заготавливают.

Итак, мы установили, товарищи, что вопреки истине, знакомой вам с детства, у вас, нечаевцев, молочко пока существует не столько на коровьих языках, сколько на языках районных ораторов.

А хотелось, чтобы было наоборот.

С приветом

КРОКОДИЛ

СИЛЬНОДЕЙСТВУЮЩЕЕ СРЕДСТВО

Когда-то у моей Галины, еще до замужества, ангельский характер был. А как только вышла замуж, будто подменили ее. Я работаю в МТС трактористом. Осенью хлеб мне везут на автомашине, и деньгами столько получаю, что жаловаться грех. А Галина когда-то в звене свекловодов работала, ударницей считалась. И ей осенью сахар мешками выгружали около хаты. Когда же вышла замуж, будто сглазил кто-то.

Прежде всего бросила работу. «У меня муж—тракторист, хорошо зарабатывает, на нас хватит. Мне теперь за домом следить надо, а не с сапкой по полям бегать». Я покрутил носом, потому знаю: ежели молодая, здоровая женщина без дела сидеть будет, добра в семье не жди. Но смолчал, думаю, еще скажет: «О, жениться не успел, а уже куском хлеба жену попрекаешь!» Пускай, думаю, посидит дома, может, скоро надоеет и сама попросится в звено.

С того и началось. Я все время на полях, она дома. Ну, обед там сварит, то да се, а времени свободного—ого-го сколько еще остается! Куда его деть? И началось тут... Просто подменили Галию, и все.

Больше половины дня простаивает у ворот и только выглядывает, к чему бы это придраться. И до всего ей дело есть. То курица чужая через наш тын перелетела, то свинья соседская о наши ворота почесалась,—она уж тут как тут, кутерьму подымает, соседей ругает. А голосок у нее! Когда мотор приглушу, мне даже на поле слышно.

Соседей, правда, хватило ненадолго. За какой-нибудь месяц со всеми перессорилась. Со всеми, как говорится, порвала экономические, культурные и дипломатические отношения. Ни мы ни к кому, ни к нам никто. Почесал я затылок, вижу, утратил инициативу, выпустил вожжи и из главы семейства тоже превратился в объект для ругани.

Ну, меня, понятно, ругать ей неинтересно. Я в основном молчу, наберу в рот борща, поужинаю и, только ухо к подушке, захраплю, хоть из пушек стреляй. Тогда ругайся, не ругайся—мне безразлично: все одно не услышу. Ее это задевает за живое, волком на меня смотрит. Когда же ссориться ей стало не с кем, за сплетни принялась.

— О, какой платок Маруся в будни нацепила! А! Он же ей не к лицу! Знаем, кто этот платок подарил—Панько-бригадир.

— А вы слышали, как вчера у Карпа Гульки пьянствовали? И чего, с какой радости? Восемь бутылок водки выпили, не считая вина

для непьющих. А Дунька Гордеева как напилась, и стала танцевать...

— Знаете, Ковалиха корову свою продает... Спятила на старости лет. Корова такая, что другой не найдешь, а она...

И так весь день. Просто хоть на стенку лезь. Пробовал убеждать ее, говорил спокойно. Куда-а там! У нее один ответ: ей завидуют, у нее врагов много, но она за себя постоит. И еще жалуется на нервы:

— Нервы у меня... Больная я, Василь. Если не поругаюсь с кем-нибудь, то в груди печет и к горлу какая-то шишка подступает.

Пошли к врачу. Осмотрел он ее, выслушал, постучал молоточком по коленям и покачал головой:

— Запустили вы болезнь, Галина Трофимовна. Теперь только сильнодействующие средства вам помогут. Физиотерапия нужна, и на свежем воздухе бывать не меньше десяти часов в сутки.

А затем отзывает меня и шепчет.

— Вы,—говорит,—как-нибудь выманите ее на поле, сапку в руки дайте. А то пропадет молодница в расцвете лет и сил.

Хорошо ему говорить: на поле ее выманите! Попробовал я было заикнуться... Бедная моя головушка! Сколько крику, слез!

— Уже,—кричит,—уже! Куском хлеба попрекаешь, засиделась, мол, за твоей спиной, очень засиделась! У настоящих мужей жены всю жизнь нигде не работают, и ничего, а ты...—И пошло, и пошло!

Я и не рад уже, что завел разговор, но все равно решил вернуть ее в звено. И начал «холодную войну». Прихожу с работы и, как ни в чем не бывало, рассказываю:

— Сегодня свеклу сеял на участке у Ганны Кметь. Вот веселая дивчина, вот шутница! И все звено у нее такое: девчата там, как цветочки, и поют, как соловьи... А пошутить, посмеяться, так...

Как вскочит моя Галина, кулаком об стол как стукнет, даже глаза зеленеют у нее:

— А-а, такой-сякой, уже на девчат засматриваешься! Уже надоела я тебе? А еще клялся, божился, что будешь любить меня вечно! Я тебе весь чуб твой повиыдергиваю, а твоим соловьям косы повиыдеру!..

В тот вечер, правда, до чуба дело не дошло: Галина ограничилась упреками. На другой вечер я снова масла в огонь подлил: рассказал, как я и напарник с девчатами шутим, и добавил так, осторожноненько:

— Что им? Играют, смеются. Известно, молодые, здоровье...

— А я что? А я что? Старая? Уже старой для тебя стала?

— Да нет, не старая, но сама жаловалась, что больная, тебе не до шуток...

Расплакалась. Жаль ее стало, но пересилил себя и на третий день снова в таком же духе разговор завожу. Она больше не плачет, только глазами меня сверлит и говорит ехидненько:

— Ну, Василек, я этим твоим хаханькам копец положу! Никому не позволю семью разрушать. Завтра же с тобой в поле поеду, погляжу, на которую ты зубы скалишь. Погоди, погоди!

И верно, поехала. Сидит на меже и следит за мной. А трактор у меня на месте не стоит, трактор через все поле движется, и девчата сзади на сеялках щебечут, как синицы на ветке. Кто его знает, о чем я там с ними говорю, когда трактор на том конце поля, а они в сеялки семена засыпают?

Побежала моя Галя через все поле. Пока добежала, я трактор разворачиваю, и все начинается сызнова. За весь день она так набегалась по полю, что без ног осталась. На другой день такая же история. Она чуть ли не плачет:

— Хитрый ты! Все равно успеваешь перемигнуться с ними. Но я этого так не оставлю, я от тебя, голубчик, не отстану. Я для тебя уже больная? Я для тебя уже старая? Я тебе покажу молоденьких! От меня не скроешься! Завтра сама на сеялку стану. Увидим, как ты при мне в мигалки с ними будешь играть!

А я ее нарочно отговариваю:

— Да что ты, Галочка! Целый день на сеялке трястись—это, думаешь, шутики с твоим здоровьем? Ты ведь у меня такая слабенькая. Вон и доктор какие-то рефлексы у тебя нашел.

Она даже обрадовалась, что я такой разговор завел: попался, мол, проговорился.

— Ишь, пожалел меня! Не-ет, голубь сызый, ничего не выйдет. Я лучше доктора знаю, больна я или нет.

Всю посевную у меня за плечами на сеялке проездила, глаз с меня не спускала, ну, а на сеялке без дела ездить не будешь: это не шарaban какой-нибудь. Тут работать нужно. И работала! Так работала, что в МТС все только руками разводили:

— Мы и не знали, Василь, что жинка у тебя такая работающая!

А я говорю:

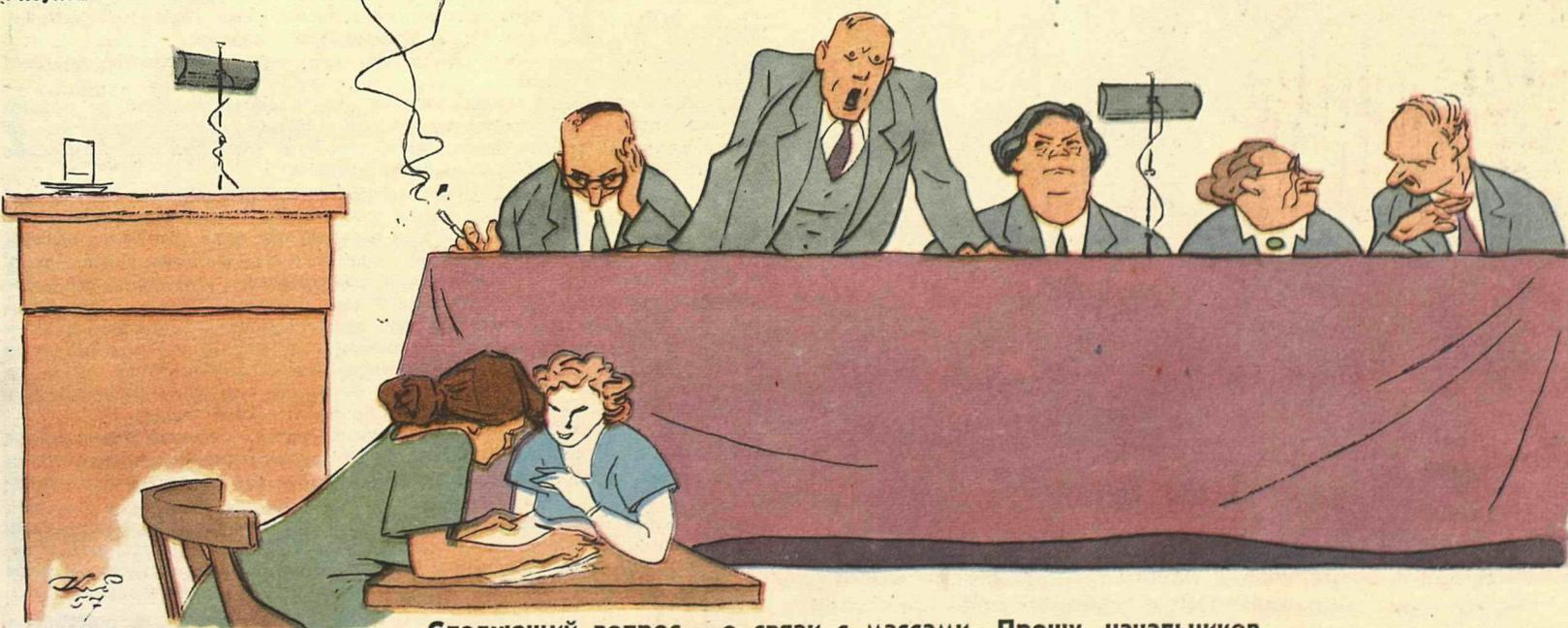
— Она всегда такой была, только болезнь ей мешала, нервы, ну, и рефлексы там всякие. А теперь ничего, выздоровела, чтоб не сглазить...

г. Винница.

Перевел с украинского
Е. ВЕСЕНИН.

НА СОБРАНИИ

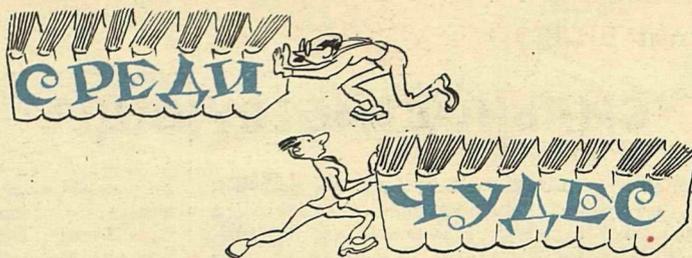
Рисунок К. ЕЛИСЕЕВА.

— Следующий вопрос — о связи с массами. Прошу начальников остаться, а остальных удалиться.

— Вчера я встретился с нашим депутатом райсовета...
— Ну, уж неправда! Он с избирателями не любит встречаться.

Директор Брянского облкниготорга И. М. Новиков ходил по своему кабинету мрачной тучей и тяжело вздыхал.

Буквально три месяца тому назад книготорг списал в утиль так называемую неходовую литературу на миллион рублей и даже с большим хвостиком. И вот, пожалуйста, опять ее, этой неходовой, набралось столько, что в магазинах и в складских помещениях ни пройти, ни проехать. В общем, окончательно затоварились.

Это обстоятельство требовало от директора незамедлительного решения, а его, увы, не было.

— Разве только какое-либо чудо случится,— с отчаянием произнес он вслух,— или целых семь!

И словно назло ему в это самое мгновение семь чудес явились.

В кабинет вошел почтальон и вручил Новикову семь писем из семи городов: Ижевска, Костромы, Томска, Риги, Орла, Краснодара, Чкалова. Директор прочитал все и приятно ахнул.

А через полчаса он радостно говорил своим сотрудникам:

— Друзья мои! Я пригласил вас, чтобы сообщить... Короче: произошло, друзья, чудо. Мы спасены! Директора семи книготоргов убедительно просят нас сообщить, имеем ли мы возможность предложить им литературу из свободных остатков. Я уже телеграфировал им, чтобы даже не сомневались на этот счет, и пообещал в самое ближайшее время выслать списки книг. Вы теперь понимаете, что произошло?! Наш мертвый капитал оживает! Мы в два, нет, в пять раз перевыполним план товарооборота. А главное, мы безубыточно, то есть через реализацию, а не через списание, освободим магазины и склады от неходовой у нас в Брянске литературы. Это же здорово получается!

Для удобства и быстроты составления списков все разбились по парам. Одни диктовали по карточкам, другие писали. Работали с энтузиазмом, быстро, сознавая всю важность исполняемого дела.

К вечеру пятого дня практикантка Галя, обтирая платком лицо, заливаясь потом, говорила подруге Вале:

— Не спеши так, пожалуйста! Ты меня совсем замучила.

Валя отвечала уставшим голосом:

— Не злись! Без тебя тошно. Записала: «Машины и орудия для возделывания овощных культур», цена два девяносто? Теперь пиши: «Машины и орудия для возделывания овощных культур», цена два десяти.

— «Машины и орудия...» Пстой. Опять эти «Машины и орудия»? Мы их уже записывали.

— Той цена была два девяносто, а этой два десяти... Записала два десяти? Дальше пиши: «Машины и орудия для возделывания овощных культур», цена два сорок пять. Записала?

— Ну, записала!

— Пиши еще: «Машины и орудия для возделывания овощных культур», цена два сорок пять.

— Тьфу! Ведь сказано, что записала два сорок пять. Сама путаешь, а на меня сердиться!

— Ничего не путаю! Те книги были «Сельхозгиза», а теперь пошли издательства «Знание». Это они путают, а не я.

...Наконец списки были составлены по всем разделам литературы, начиная с научного и кончая музыкальными нотами, и отправлены.

Несколько дней после этого тов. Новиков пребывал в самом лучшем расположении духа, ходил, не чувствуя под собой земли. А как-то он сидел у себя, подписывая документы, и тихонько мурлыкал веселую мелодию. Вдруг знакомый почтальон вновь появился в кабинете и положил перед ним семь толстых пакетов из семи городов: Ижевска, Костромы, Томска, Риги, Орла, Краснодара, Чкалова.

— Что это?— изумился директор.— Неужели уже заказ пришел? Смотрите, как быстро!

Он с нетерпением вскрыл пакеты. Почти слово в слово из разных городов писали: «С получением вашей телеграммы направляем вам со своей стороны списки имеющихся у нас в излишках книг. Просьба ознакомиться и на нужные выслать заказ...»

— Это уж совсем любезно с их стороны. Хорошо, коллеги выручают. Молодцы!—растроганно сказал тов. Новиков.—От нужных книг мы ни в коем случае не откажемся. Они нам погоду делают... Так-с, ну, посмотрим, что же нам конкретно предлагают!—Он стал вслух читать списки:—«Машины и орудия для возделывания овощных культур», цена два девяносто. (У директора брови машинально сдвинулись к переносью.) «Машины и орудия для возделывания...», цена два десяти. (Лоб собрался в морщины.) «Машины и орудия...», цена два сорок пять. (Голос оборвался.) «Машины...»,— читал он уже про себя, то бледнея, то чернея. И чем дальше читал он, переходя от раздела к разделу, что-то леденящее все ближе проникало к сердцу.

До конца списки Новиков прочитать не успел. В голове у него вдруг закружилось, в глазах потемнело, и он, едва вскрикнув, упал в обморок. Подоспевшие сотрудники долго отливали своего директора холодной водой.

Как позже стало известно, подобные же обмороки в разные дни происходили с директорами книготоргов в Ижевске, Костроме, Томске, Риге, Орле, Краснодаре и Чкалове. Все они тяжело пострадали от неразберихи, творящейся в «Сельхозгизе» и прочих издательствах.

В. ФРОЛОВ

г. Брянск.

НОВГОРОДСКИЙ ЗАТЕЙНИК

НЕВЫПОЛНИМЫЙ ТРЮК

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

За глаза можно сказать, что самая отличительная черта начальника Новгородского облпроект тов. Тишина — это любовь к симметрии и строгости линий.

Мы представляем себе, как глубоко страдала его душа при виде нестройных рядов, коими располагались рабочие столы сотрудников вверенного ему учреждения.

— Пересадить, — твердо решил он в один из прекрасных дней.

Но Облпроект не был бы Облпроектом, если бы его сотрудники пересаживались так вот просто, без проекта. И наутро на доске приказов появилось:

«РАСПОРЯЖЕНИЕ № 9...

Объявляется конкурс на лучшее размещение рабочих мест и шкафов в существующих помещениях, занимаемых I, II, III и IV секторами.

За лучший представленный проект будут выданы две премии, из них 1-я в размере 300 руб. и 2-я в размере 100 рублей.

Конкурсный проект на ватмане в $\frac{1}{4}$ листа и с конвертом под девизом предлагалось представить к такому-то числу, к такому-то часу.

Началось великое проектно-конструкторское ристалище! Засверкали циркули, скрестились рейсшины!

Точно в срок на стол тов. Тишина лег протокол жюри конкурса:

«1. Первую премию присудить автору проекта под девизом «40», вторую премию под девизом «Бетон-8».

2. Внести изменения в проект под девизом «40», предложенные автором «Бетон-8» в части выноса столов руководителей секторов на торцы рядов»...

Особо радовало сердце вдохновителя конкурса тов. Тишина то, что по премированным проектам можно было дополнительно рассадить еще четырех сотрудников.

— Ну, уж теперь-то у нас запляшут лес и горы!

Довольный и умиротворенный ходит тов. Тишин, любясь строгими рядами сотрудников со «столами руководителей секторов на торцах рядов».

А люди со стороны смотрят и перемигиваются:

— Как затейник в доме отдыха: надоедят «три притопа, три прихлопа», — придумает игру с пересаживанием!

В. ЗАЦЕПИН

Эмиль КРОТКИЙ

Полубасни и эпиграммы

АСТРОЛОГИЯ

Не спорь с судьбой! Наш общий жребий
Давно астрологи прочли.
Иль ты не видишь в ясном небе
Второго спутника Земли!
Поверь пророческим приметам,
Скорей возьми меня в друзья.
Пойми: ни людям, ни планетам
Никак без спутников нельзя!

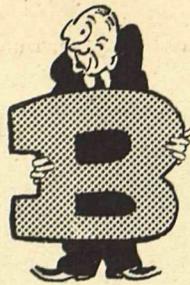
ЖИРАФ И ЧЕРЕПАХА

Жираф влюбился в Черепаху,
В пыли ползущую неряху,
И в пыль уткнулся тот же час.
Его пример — другим наука...

Любовь — возвышенная штука,
Но часто принижает нас.

— Этим нас не удивишь! Вот попробовал бы он по нашему мосту на тот берег пройти...

ОТ говорят: критика — дело тонкое, опасное. Покрытикуешь начальство, потом через денек — другой придешь на работу, а на стенке уже висит приказ:

«Увольняется по собственному желанию...»

— Позвольте, я такого желаний нигде не высказывал!

— А мы прочли его в вашей душе и пошли вам навстречу!..

Иногда и так бывает! Но у нас, в нашем учреждении, получилось иначе.

Служил у нас такой... в общем, товарищ Кривоедов. Наружность самая невыразительная: бледные, как бы недопеченные щеки, глазки маленькие, неопределенного бутылочного цвета, жидкие светлые волосы аккуратно расчесаны на прямой пробор, выражение лица безответное, кроткое. Не человек, а пирог с глазами. Помните старую частушку:

«Как у нас-то во Рязани
Пироги — и те с глазами:
Их кусают, их едят,
А они себе глядят!»

Работник он был плохой, ленивый, с бюрократическими замашками и какой-то безрукий.

Однажды Кривоедов провалил важное, ответственное поручение самого Василия Архипыча — нашего директора. Нужно было проверить расчеты рационализаторов и завизировать их ценное предложение, а Кривоедов перестраховки ради развел ужасную волокиту и на целый месяц задержал это дело. Потом подсчитали и установили, что подчиненный нам завод от кривоедовской волокиты понес большие убытки.

Уж на что был Василий Архипыч мягким человеком, но тут и он осерчал и сказал, что, дескать, надо Кривоедова «гнать в три шеи» за такие номера.

Кривоедову, конечно, тотчас же стали известны эти грозные слова. Он испугался, прижал уши, но... тут-то и выяснилось, что наш «пирог с глазами» обладает ехидством непомерным, когда речь идет о его личной «корке» или «начинке».

Как раз подоспело собрание. И вдруг Кривоедов попросил слова. Всегда, бывало, сидит, молчит, только и услышишь от него: «Прекратить прения!», «Подвести черту!», «Перерыв!». А тут почему-то решил высказаться.

Вылез на трибуну, глядит в упор на Василия Архипыча, сидящего в президиуме, своими ничего не выражающими бутылочными стекляшками и начинает:

— Я хочу, товарищи, покритиковать персонально Василия Архипыча.

Зал насторожился.

— Он хоть и ответственное лицо, — продолжает Кривоедов, — но мог бы, приходя на работу, здороваться со всеми, невзирая на лица. А Василий Архипыч не далее как вчера пришел в наш отдел и поздоровался только с начальником, а на тех, кто пониже, даже и не поглядел, как будто они не люди, а так... недушевленный инвентарь, не вошедший в опись.

В зале при этих словах возникло, как пишут в стенограммах, «оживление».

Кривоедов приободрился, режет дальше:

— Вы бы могли нам, Василий Архипыч, и ручку подать. Все-таки физкультура какая ни на есть... при вашей комплекции даже полезная для вас!

Все это с ужимками, с подмигиваниями в зал, с соответствующей жестикуляцией. Артист, да и только!

У Василия Архипыча на лице пожар. Он действительно вчера заходил в кривоедовский отдел, сотрудникам кивнул, а с начальником поздоровался и поговорил по делу. Ему и в голову не могло прийти, что его поведение может быть так истолковано! Конечно, нужно было бы ему взять слово и одернуть Кривоедова, тем более, что все знали Василия Архипыча как че-

Первый

Леонид ЛЕНЧ

ловека приветливого и воспитанного, а он по застенчивости и мягкости своей промолчал. И получилось, что Кривоедов пешку свою ехидную провел, так сказать, в дамки!

В перерыве, чувствуя себя уже героем, он говорил:

— Пропал я теперь! Вытурит меня Архипыч, как пить дать, за мою смелую критику. И полечу я от вас, братцы, «по небу луночи», как комета с хвостом.

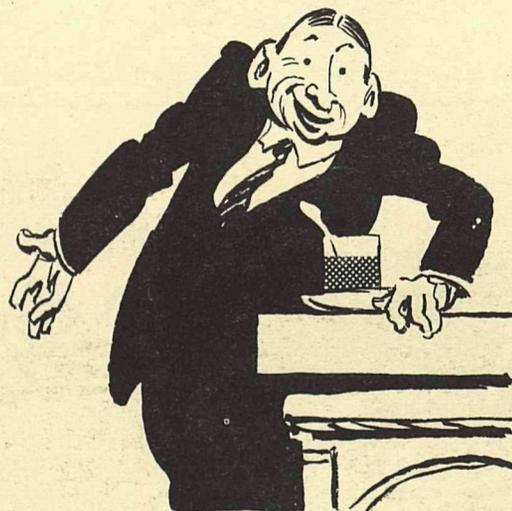
Говорил и посмеивался: знал, что играет наверняка. И точно, когда начальник кривоедовского отдела напомнил Василию Архипычу про Кривоедова, которого «надо гнать в три шеи», Василий Архипыч, зардевшись, как девица, сказал:

— Он подумает, что я... в порядке личной мести за критику... тогда, на собрании... Не надо! Поставьте ему на вид... пока!

Объявили Кривоедову приказ директора.

Он только фыркнул: подумаешь, мол! Работал по-прежнему плохо, спустя рукава. Опять стали стучаться тучи над кривоедовской головой. И опять подоспело собрание. И снова Кривоедов вылез на трибуну и стал критиковать директора. Обращался к нему уже нахально, на «ты», пушил и трепал по всем правилам критических словоизвержений:

— Не прислушиваешься ты, Василий Архипыч, к голосу рядовой массы, не спешишь стряхнуть с себя вредные последствия культа личности. Почему ты не при-

Иллюстрации Е. ЩЕГЛОВА.

ехал на нашу вылазку за город в прошлое воскресенье? Почему не половил рыбку вместе с нами? Почему не поуживал за нашими немолодыми, пускай даже не очень красивыми женами, не проявил мужества и чуткости?!

И опять Василий Архипыч промолчал, не ответил Кривоедову. А секретарь нашей партийной организации товарищ Степанюк, мужчина крайне осторожный, когда к нему обратились сотрудники, которых выступление Кривоедова покорило, сказал им так:

— Я согласен с вами. Чувствуется у Кривоедова демагогический душок, но, с другой стороны... если его одернуть, скажут, зажим критики. А зажим — это уже не душок, а аромат. А за аромат, знаете, что бывает?!

Так бы, возможно, и передвигался по жизни Семен Кузьмич Кривоедов, защищаясь от превратностей и ударов судьбы,

подобно черепахе, броневым панцирем «смелого критика», но тут случилось одно происшествие: Кривоедов... маленько переиграл!

Началась реорганизация нашего учреждения с целью укрепить хорошими работниками, надежными, проверенными кадрами периферийные предприятия.

Многие наши специалисты, честные, порядочные люди, стали подавать заявления Василию Архипычу о своем добровольном согласии выехать по зову партии на работу туда, где они так сейчас нужны.

Фотографии этих товарищей были помещены в нашей стенгазете. Появилась и соответствующая статья под названием «Лучшие из лучших».

И вдруг мы узнали, что Кривоедов тоже решил «откликнуться на зов» и уже ходил к Василию Архипычу, добивался, чтобы его отправили на «самый отстающий, прорывной участок».

Этот вулкан энтузиазма, неожиданно забивший из глубины кривоедовского сердца, признаться, удивил нас. Поразило и то, что Василий Архипыч благословил Кривоедова и дал ему свое согласие, хотя не мог не понимать, что пользы от Кривоедова местные предприятия получат не больше, чем от козла, от которого, как известно, не дождешься ни шерсти, ни молока — ничего, кроме скверного запаха!

Постная кривоедовская физиономия украсила очередной номер стенгазеты. «Пирог с глазами» ходил гордый, с высоко поднятой головой.

Прошло время. Все товарищи, заявившие о своем желании выехать на места, выехали. Все, кроме Кривоедова! В последний момент он представил врачебную справку о том, что заболел сложной формой нервного тика, которая — так вышло — по справке — поддается излечению только в крупных центрах, обеспеченных всеми коммунальными удобствами и культурными развлечениями.

Справка была явно липовая, фальшивая, но составленная ловко — комар носа не подточит! Молча положив ее на стол Василию Архипычу, Кривоедов два раза при этом нервно передернул плечами, подморгал правым глазом, погримасничал и ушел, дергаясь, не сказав ни слова.

Василий Архипыч прочитал справку, развел руками и сказал:

— Ну и скотина!..

Надо отдать ему должное: на первом же собрании директор, что называется, в пух и в прах разнес Кривоедова, забыв всю свою деликатность и мягкосердечие.

Кривоедов тотчас же попросил слова, вылез на трибуну и, конечно, применил свой испытанный прием. Он попытался доказать нам, что Василий Архипыч мстит ему за его «смелую критику».

Но тут в зале поднялась буря. Кривоедову кричали:

— Вон с трибуны!

— Вы не критик, а демагог!

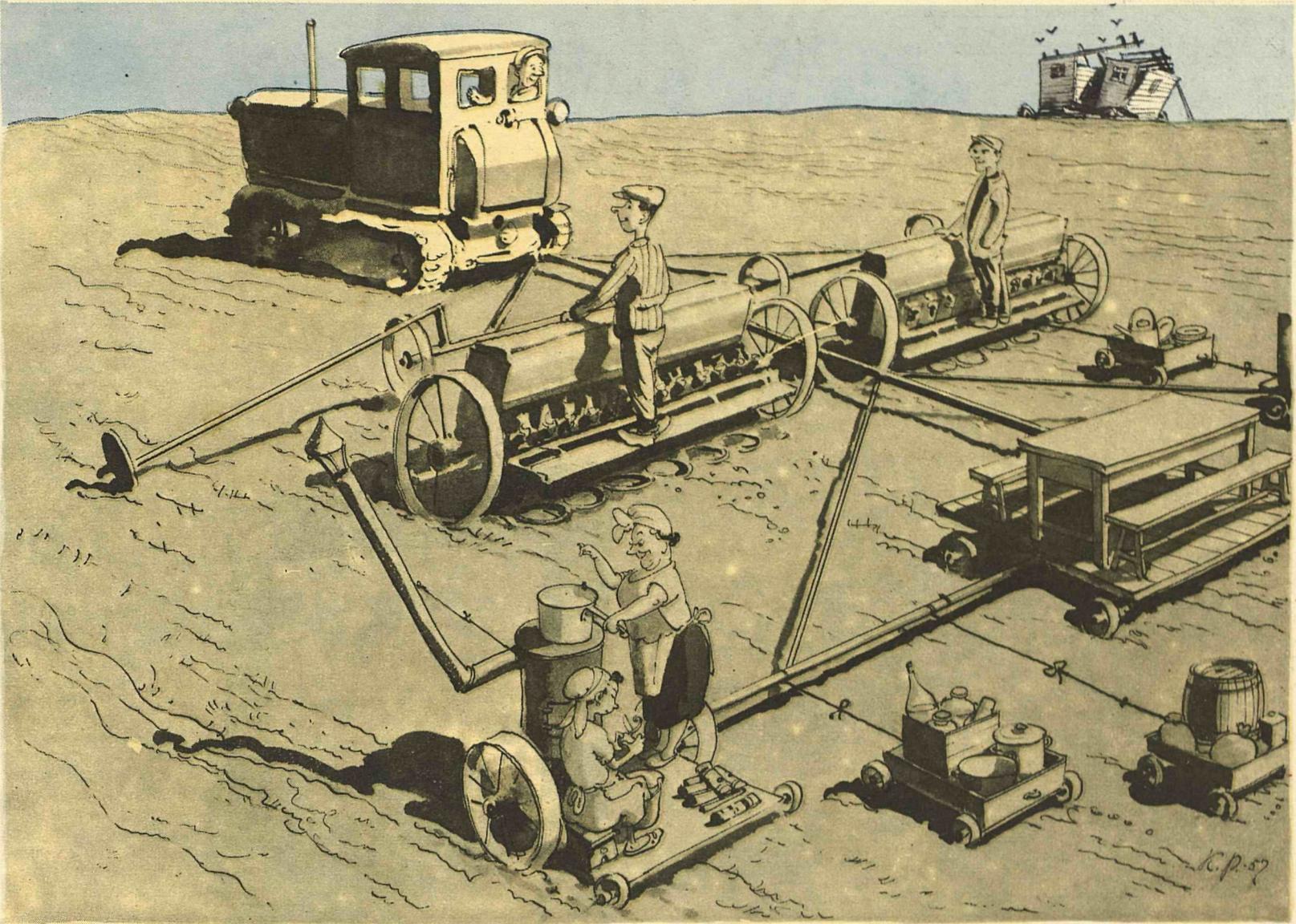
— Почему вы не дергаетесь?!. Забыли?!

Кривоедов стал подмаргивать правым глазом и дергаться, но было уже поздно.

На следующий день он подал заявление с просьбой уволить его «по собственному желанию». Но мы пошли к Василию Архипычу и сказали, что требуем увольнения Кривоедова с той формулировкой, которую он давно заслужил: за негодность. И на этот раз директор проявил твердость духа. Он вздохнул и сказал:

— Да, это было мне хорошим уроком. Давайте приказ!

И твердой рукой поставил на нем свою подпись.

ФОТОВитрина

Ревела буря!

Ревела буря, гром гремел! Происходило это в исполкоме города Михайлова, Рязанской области. Председатель горисполкома тов. Гуськов метал громы и молнии против тех, кто пытался оспаривать решение горисполкома. А решение было такое: уничтожить единственное в Михайлове место отдыха — городской парк, — вырубить прекрасные столетние деревья и построить здесь общежитие для школы-интерната. На снимке вы видите последствия этой бури.

Перефразируя известную пословицу, мы констатируем горькую истину: что вырублено топором, не восстановишь пером!

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО ВЕЛОФИГУРИСТЫ

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА.

Читатель «Крокодила» Б. Горшков, огорченный неудачной покупкой велосипедов для детей-подростков, прислал нам сатирическую заметку «Как воспитывать детей», где критиковал бракоделов Свердловского велозавода. Заметка была направлена в Свердловск, откуда пришел ответ:

«...сообщаем, что просьбу гр. Горшкова «Как воспитывать детей», претензию на качество двух велосипедов изложенные в письме и направленные редакцией журнала «Крокодил» завод получил. Разобравшись внимательно с содержанием письма установлено:

...Из письма видно, что гр. Горшков не плохо изучил произведения Маяковского, разбирается в житейских вопросах, но не разобрался в инструкции, которая прилагается вместе с паспортом и руководством по уходу за велосипедом, где ясно указывается, — каким образом предъявлять претензию. Вместо того, чтобы сообщить заводу гр. Горшков обратился к Вам в редакцию за советом, как воспитывать детей, одновременно охаявая работников завода.

...Повидимому гр. Горшков счел необходимым составить свой литературный труд.

...Поведение гр. Горшкова является странным, так как не понятно, что же он преследовал обращаясь к Вам с своим письмом.

Главный инженер — Серов.
Начальник ОТК — Музыка.

Нам тоже тут кое-что непонятно. Например, на каком велосипеде гг. Серов и Музыка ухитрились объехать правила русской грамматики, а заодно и общепринятые нормы вежливой переписки?

Зато ясно, что, составляя свой литературный труд, они хотели только одного: отпиться от докучливого покупателя, требующего, чтобы Свердловский велозавод не выпускал бракованную продукцию!

Пустяк, из-за которого сыр-бор загорелся.

Вл. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

П Р И Б Ы Л И...

МЕСТНЫЕ КРАСОТЫ

В свободное время командированный любит погулять по незнакомому городу. Для него это лучший отдых. Он добросовестно осматривает местные достопримечательности и красоты и, не жалея сил, ищет экзотику.

Мы тоже старались не отступать от этой командировочной традиции.

Из двух авторов этих записок один попал в Среднюю Азию впервые, зато другой в свое время извездил ее всю вдоль и поперек. Правда, это было двадцать лет назад, но он до сих пор считал себя крупнейшим знатоком этих краев.

В г. Ташкенте мы прежде всего отправились осматривать Старый город: узкие улочки, кибитки из необожженного кирпича-сырца, размытые зимними дождями глиняные дувалы и прочую экзотику.

Мы вышли из гостиницы, и знаток Средней Азии решительно двинулся вперед.

— Это недалеко, — сказал он. — Сейчас будут знаменитые ворота Шайхан-Таур, потом мост через арык, а за ним сразу начнется Старый город...

Мы прошли площадь, миновали два сквера и один парк и подошли к каналу, через который перекинут новый мост.

— Мост новый! — авторитетно отметил знаток. — Но арык тот самый, правда, расширенный... Значит, я перепутал порядок: сперва мост, а потом Шайхан-Таур... А уже потом Старый город!..

За мостом начался великолепный проспект Навои. На нем были новые дома, внушительное здание Центрального телеграфа, потом сквер и Театр эстрады, потом опять новые дома, потом громадный кинотеатр...

Короче, мы так и не нашли знаменитых ворот Шайхан-Таур. Когда мы все же обратились к местным жителям и спросили, где Старый город, нам объяснили, что мы уже час гуляем по нему.

В течение всей поездки жизнь часто опрокидывала все привычные, давно сложившиеся представления о Средней Азии.

Мы знали, что Небит-Даг находится в выжженной солнцем Туркмении. Мы знали, что он лежит в пыльной, продутой ветрами пустыне. Мы знали, что Небит-Даг — молодой нефтяной город.

И вот мы в Небит-Даге. Однако здесь нефтью и не пахнет. Здесь пахнет белой акацией.

Хорошо спланированные улицы. Аккуратные, новые дома. А перед домами молодые деревья, прекрасно прижившиеся вопреки зною, безводью и ветрам.

Где же она, грязная, пыльная Средняя Азия?

Да, теперь в Средней Азии, говоря о местных красотах, нужно иметь в виду не только экзотику, не только красочные базары и развалины, но и живую, современную красоту ее городов!

И порой надо напоминать о том, что следует беречь и защищать эту красоту!

* * *

Дома здесь, как правило, крашенные. Но фасады линяют на глазах. Один дом в подтеках, другой в выгоревших проплешинах, третий просто в пятнах.

Нет, это не запущенные города. Это запущенная отрасль промышленности. Красители куда не годятся. Пока красят одну стену, другая уже облезает.

Это — явление повсеместное, но если, скажем, в Ленинграде его объясняют дождями и туманами, то здесь ссылаются на палящее, всежигающее солнце.

А настоящее объяснение универсально: краска не выдерживает ни солнца, ни дождя, ни снега, ни умеренной температуры.

Какой же климат нужен химической промышленности?

И в конце концов, если нельзя подобрать климат для краски, надо попытаться подобрать краску для климата!..

* * *

В древнем Риме существовала пытка золотом. Рабов раздевали и покрывали с головы до ног золотой краской, превращая их в живые скульптуры. Краска закрывала все поры кожи, и рабы умирали.

Сейчас красят золотом и серебром не людей, а настоящие статуи. И статуи переносят эту операцию сравнительно легко. Но для людей это все равно пытка — эстетическая пытка золотом!

В парках и садах среднеазиатских городов, на поворотах новых дорог, в живописных ущельях возле домов отдыха мы видели множество золоченых «купальщиц», «олений» и «матерей». Нас преследовали серебряные девушки с веслами, атлеты и нимфы.

Скульптур всюду много. Даже, пожалуй, слишком много.

И понятно, что редко попадаете настоящий мрамор или «бронзы многопудье». Это стоит дорого.

Но в таких случаях всегда употребляли просто гипс. Белый цвет благороден и красиво выделяется на фоне зелени. Кстати, гипс имитирует естественный для скульптуры мрамор.

Зачем же покрывать красивые белые скульптуры грязноватой позолотой, из-за чего они быстро становятся похожими на луженую посуду?

Интересно, кто первый придумал лудить Венеру?

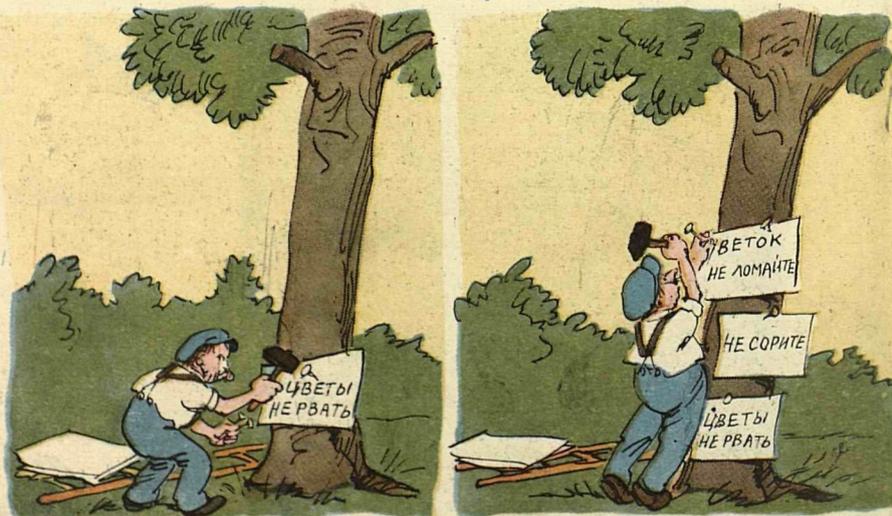
Крокодильская СМЕСЬ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

ОБНОВЛЯЕТ РЕПЕРТУАР...

Рисунок Ю. СМЕРНОВА.

Столовая

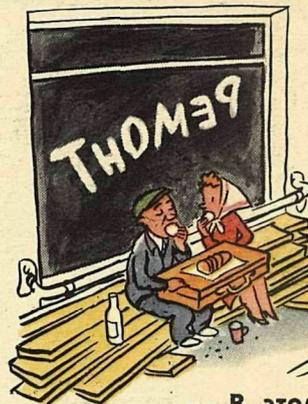
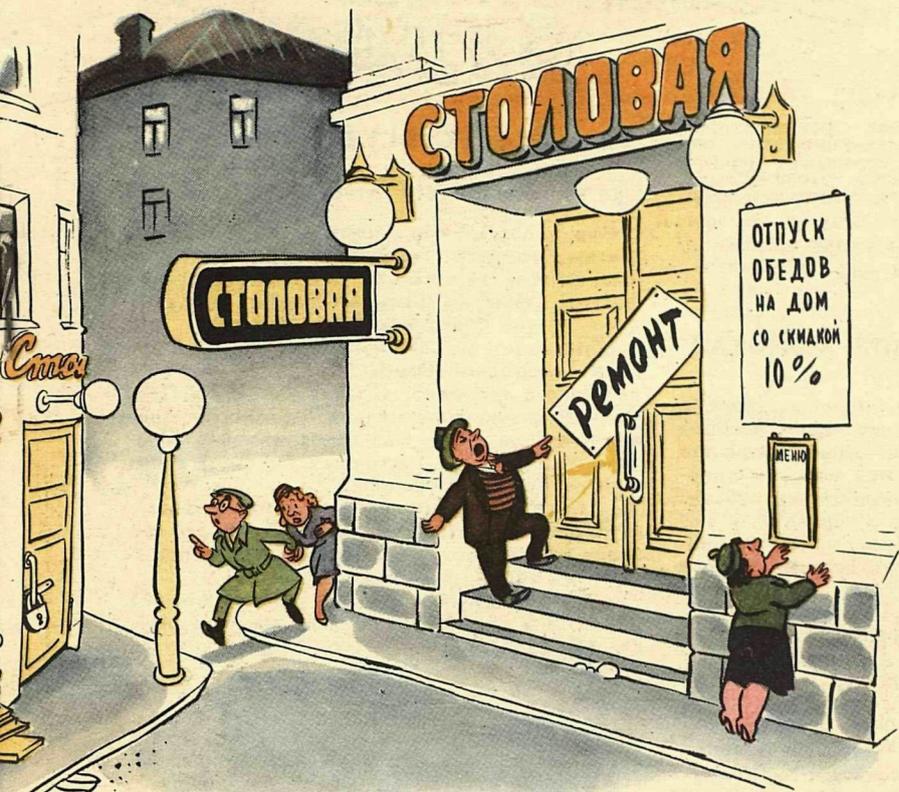

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

— Кончились уроки садиться!

м городе почему-то все столовые закрытого типа...

ПРОГОРЕЛ...

Рисунок М. УШАЦА и К. НЕВЛЕРА.

аникулы, опять мне за

— Понадеялся, что хорошая пьеса, а билеты даже со скидкой не берут.

В Ы Б Ы Л И...

И все же в этих пустынных и знойных краях из всех местных красот больше всего радует глаз зелень. Цветы и деревья кажутся здесь особенно прекрасными. Густолиственные кроны обещают тень, сулят прохладу и веселят душу!

Сперва нас удивило просто наличие зелени в пустыне. Потом нас стало поражать ее обилие.

Для нас было несомненно, что здесь должны особенно бережно лелеять цветы и деревья. И мы решили узнать, как организовано здесь это дело.

Роза Востока! Сколько поэтов воспевали ее!.. Все прекрасное сравнивали они с розой.

И, пожалуй, самыми красивыми на востоке были знаменитые ашхабадские розы. Лучшие из них росли не в самом Ашхабаде, а в ущелье Фирюза, недалеко от города. Здесь в замечательном парке много лет любовно выращивали редчайшие черные розы...

Мы говорим «выращивали», потому что сейчас их почти не осталось. Ни садовники, ни сторожа не могли противостоять воровским набегам. Цветы не только срезали, их безжалостно выкапывали целыми кустами.

А милиция?.. Возможно, милиция порой и инертна. Но не только инертна — она и бессильна. Она может только наложить штраф.

В знойном Ашхабаде тутовник — самое тенистое дерево. Чтобы он лучше рос, весной ему надо подрезать ветви. А эти ветви с молодыми листьями служат кормом тутовому шелкопряду. Исходя из всего этого, было принято правильное решение: весной колхозам разрешено в городах обрезать ветви тутовника.

Но надо делать это разумно, под наблюдением садоводов. Однако никакого контроля нет. И вот для скорости рубят уже не веточки, а огромные сучья и даже стволы.

В результате тутовник в Ашхабаде все чаще превращается в дикорастущий телеграфный столб, от которого ждать тени по меньшей мере наивно.

Почти начисто истребили тутовник и в Ташкенте. Впрочем, исчезают здесь и другие редкие породы деревьев.

В центре города росли редчайшие болотные кипарисы. Вокруг них всегда толпился народ. Это учли мороженщики: они облюбовали это бойкое место для торговли. К вечеру, распродав свой товар, мороженщики выливали соленую воду прямо на землю под деревьями.

И вот кипарисы погибли. И теперь из южной флоры вы можете увидеть на этом месте только эскиммо на палочке.

А соответствующие отделы горсовета, занимающиеся зелеными насаждениями, озабочены не столько свежими листочками деревьев и лепестками цветов, сколько листочками бесконечных сводок и парадных отчетов о новых посадках.

Если судить по сводкам, Ташкент давно уже должен был превратиться в непроходимую зеленую чащу.

На деле это не совсем так. Большая часть новых посадок гибнет (правда, уже после того, как она занесена в отчеты). И сейчас проходим еще не грозит опасность заблудиться в чащобе.

Так возле цветов порой процветают формализм и равнодушие. А когда они процветают, вянут деревья и осыпаются цветы.

Дикорастущие тюльпаны являются гордостью Средней Азии.

До последних лет монополисты тюльпанов — голландцы — покупали за большие деньги луковицы наших дикорастущих, чтобы на их базе выводить стойкие культурные сорта тюльпанов.

Начали выводить культурные сорта и у нас. Энтузиасты этого дела — работники ботанических садов Академии наук З. П. Бочанцева в Ташкенте, Е. Н. Зайцева в Москве и другие — уже вывели десятки культурных сортов.

В Ташкентском ботаническом саду цвели тюльпаны. Целые поля польхали то ярко-красным, то ослепительно-желтым, то бархатно-лиловым цветом.

Новая территория ботанического сада тогда еще не была огорожена, и вся эта красота была видна с дороги, проходящей неподалеку. А по дороге шли несколько музыкантов, должно быть, со свадьбы, где они играли. Вдруг они остановились, сошли с дороги, прошли на грядки, достали инструменты из чехлов и заиграли.

Удивленная Зинаида Петровна Бочанцева подошла к ним. А они, доиграв мелодию, поклонились ей и сказали:

— Спасибо вам за эту красоту!..

Людям нужна красота. От нее душа поет. И это очень непосредственно и очень убедительно выразили своим импровизированным концертом прохожие музыканты.

А красота эта отцветает на грядках ботанического сада! Выведенные сорта не распространяются. Их негде разводить. До сих пор у нас нет элитных хозяйств, где разводились бы цветы в широком масштабе.

Пусть на всю страну прославится щедрая Средняя Азия и своими цветами, как она прославилась своим хлопком!

И пусть командированные в своих традиционных прогулках встречают как можно больше местных красот и как можно меньше местных неурядиц!

Всё естественно...

Еще не состоявшееся интервью со Штраусом

Мне удалось проникнуть в просторную, светлую комнату с очень солидным письменным столом, за которым возвышается тучная фигура министра Франца Йосифа Штрауса. Министр как будто немного нервничает. Он подбрасывает на ладони миниатюрную модель водородной бомбы. Перед ним на столе папка с надписью: «Строго секретно! Планы расположения складов атомного оружия». Рядом стоит маленькая атомная пушка — точная копия настоящей. На стене висит чертеж атомного убежища.

— Права ли западногерманская пресса, господин министр, которая пишет, будто вы вовсе не считаете, что атомное оружие представляет собой страшную опасность?

— Любое оружие опасно. Обыкновенный штык тоже опасен. Но пока им не пользуются, он безопасен. Из этого следует, что и атомная бомба безопасна.

— А если она упадет? Ну, скажем, случайно сорвется с самолета?

— Что ж, это лишь докажет справедливость закона земного притяжения. Бывает, что с крыши падает кирпич или птенец вываливается из гнезда. Падение — естественнейший процесс, и удивляться тут нечему.

— Задумывались ли вы когда-нибудь о последствиях подобного падения бомбы, господин министр?

— Я не мечтатель. Я человек дела.

— Считаете ли вы, подобно некоторым высокопоставленным лицам в Бонне, будто атомное оружие не что иное, как усовершенствованная артиллерия?

— Разумеется, считаю, но, конечно, атомный снаряд разрывается немного громче снаряда обыкновенной пушки. И так, грохоту больше.

— И это всё?

Министр заметно нервничает. Игрушечная водородная бомба, которую он все время вертел в руках, падает на пол.

— Ах, извините! — говорит он, поднимая эту игрушку. Затем продолжает: — Конечно, дело еще и в масштабе взрыва. Но о чем это говорит? Разве вы сами, например, никогда не взрывались? Разве можно было бы ездить на автомашине, если бы в цилиндрах мотора не происходили взрывы? И так, взрывы — вполне естественное явление.

— На вашем письменном столе, господин министр, я, кажется, вижу модель атомной пушки...

— Ерунда! Это просто новый американский электрокипятильник, который мы думаем ввести в обиход наших солдат. У нас демократическая армия, и это естественно.

— А не располагаются ли в некоторых районах Федеративной республики склады атомного оружия, господин министр?

— Что значит «располагаются»? В некоторых районах у нас не то что располагаться, а даже и курить строго запрещено! Надеюсь, вы удовлетворены? К сожалению, мое время...

— Последний вопрос, господин министр. Почему у вас на стене висит чертеж атомного бомбоубежища?

— Ну, знаете, это уж слишком! Неужели вам не известно, что сейчас геофизический год? В таких кабинетах члены правительства и их ближайшие друзья будут заниматься исследовательской работой. Изучать это самое... атмосферу.

— Благодарю вас, господин военный министр, — говорю я, поднимаясь, и замечаю в дверях секретаршу.

— Прошу называть меня «министр обороны»! — яростно кричит Франц Йосиф Штраус.

— Простите, — испуганно говорит секретарша, — в приемной дожидается курьер из отдела ядерного оружия генерального штаба, господин атомный министр обороны.

Западногерманская реваншистская газетка «Дейче зольдатенцейтунг» восхваляет на своих страницах нравы и традиции немецкого империализма, «истинно немецкий солдатский дух».

Еще не опубликованная статья «Дейче зольдатенцейтунг»

Славная традиция монокла

Только какому-нибудь ничтожному писателю, происходящему из безродной черни, которая сегодня, как и во времена нашего кайзера Вильгельма, охотно поддается коммунистическому влиянию, — только подобному субъекту может прийти в голову оспаривать ту выдающуюся роль, какую играл монокль в немецкой истории, особенно в истории нашего славного вермахта.

Генерал фон Зект, великий создатель, к сожалению, слишком малочисленного рейхсвера веймарской эпохи, носил в глазу стеклышко. Генерал Эрих Людендорф, неутомимый борец за вечную германскую идею и гениальный стратег, к сожалению, слишком многочисленной армии кайзера Вильгельма Второго, никогда не расставался с моноклем. И что свершили бы Фридрих Великий и его генералы, если бы и им было знакомо употребление монокла — этого неперемного атрибута истинно германского офицера! Какими историческими победами на поле брани украсил бы фюрер знамена своего, к сожалению, слишком малочисленного вермахта, если бы и у него в глазу сверкало стеклышко, которое всегда придавало остроту и без того орлиному взгляду великих немецких полководцев!

Но не только в кругах высших германских полководцев монокль играл столь выдающуюся роль. Сколько комендантов пользовались моноклем в годы второй мировой войны, наводя порядок в наших, к сожалению, слишком небольших концентрационных лагерях! Сколько командиров полков, склоняясь в полутьме блиндажей над картой генерального штаба, поправляли в глазу стеклышко, рассчитывая, как послать под огонь противника свой последний батальон!

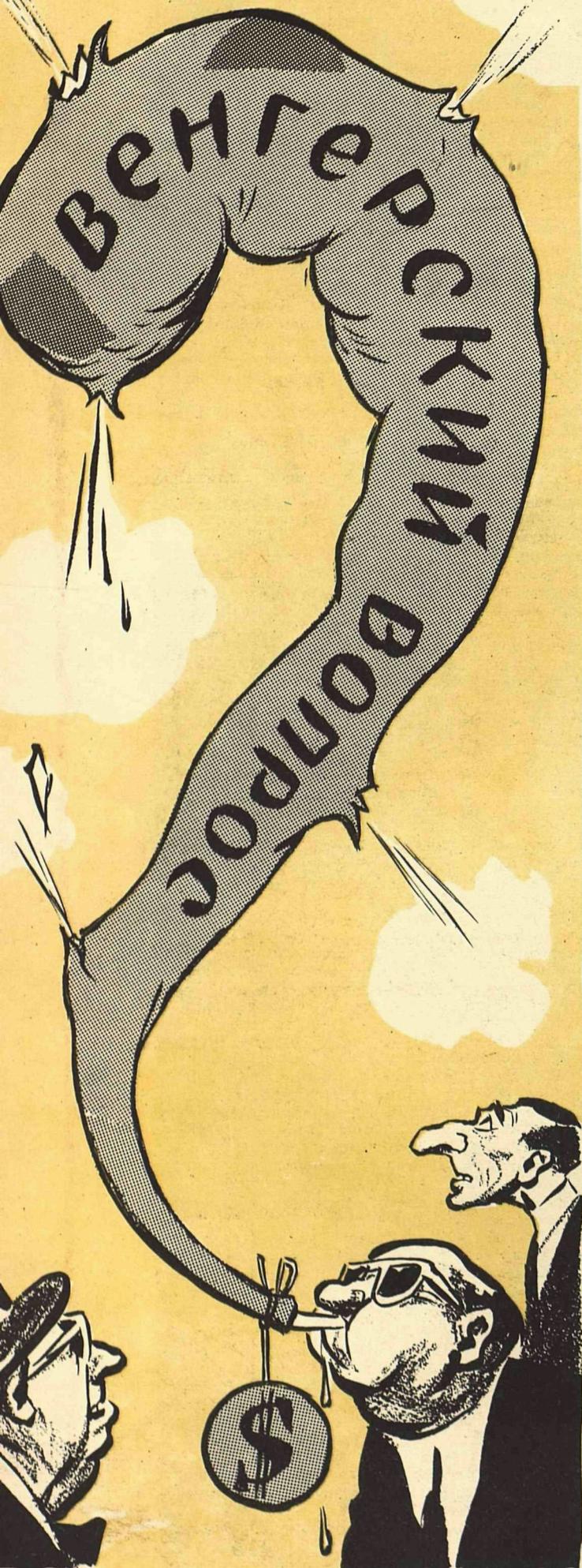
Именно благодаря этим неоценимым заслугам монокла в славной истории наших, к сожалению, весьма малочисленных армий и питаются сейчас разные щелкоперы, зараженные восточным мировоззрением, бросить тень на славный оптический прибор.

Один бумагомаратель, полностью лишенный солдатских инстинктов, осмелился выдумать такой анекдот: «Некий высший офицер СС, барон по рождению, проглотил от страха во время русской атаки свой монокль. Возвратившись домой, он женился на аристократке, которая в положенное время родила ему тройню. Все трое юных баронов с самого момента рождения имели по стеклышку; однако, как сообщила акушерка, стеклышко у них было не в глазу, а в пупке».

Ввиду столь неслыханной клеветы «Дейче зольдатенцейтунг» требует от имени всех своих негодующих читателей немедленного введения традиционного монокла для нашего, к сожалению, еще слишком малочисленного бундесвера. Монокль следует разделить на три категории: без оправы (для всех офицеров до полковника включительно), с золотой оправой (для господ генералов), с золотой оправой и черно-бело-красной лентой (для генерала Шпейделя и его преемников).

Для полевых условий следует предусмотреть монокль из небьющегося плексигласа в резиновой оправе, который не причиняет вреда при проглатывании как внутренним органам господ офицеров, так и их потомству.

Публикуемые заметки написаны Ф. Бернгардом, сотрудником сатирического журнала «Ойленшпигель» (ГДР), для «Крокодила».

РАЗДУВАЮТ.

Перевод с немецкого.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Две славные даты отмечает в эти дни болгарский народ. 9 сентября 1944 года в Болгарии была свергнута фашистская диктатура. 15 сентября 1946 года Болгария была провозглашена народной республикой. Мы помещаем на этой странице рисунки и стихи из болгарского сатирического журнала «Стыршел».

СОВРЕМЕННЫЙ ДИОГЕН

Рисунок Б. ДИМОВСКОГО.

— Не человека — нефть ищут!

Алберт ДЕКАЛО

Луна

Посвящается цитатчику.

— Гуляка-ветер,
легкрылый ветер,
Летающий везде,
по всей планете,
Мои лучи выдавший
в океанах,
На полюсах, среди льдов,
и в жарких странах,
Скажи мне,
Знать я очень бы хотела,
С чего все люди,
в чем тут дело,
Предпочитают Солнце мне, Луне!
Их предпочтенье непонятно мне!
Ведь я свечу им и зимой и летом...

— Ты светишь, верно,
спору нет,—
Гуляка-ветер
прошумел в ответ,—
Но отраженным лишь,
холодным светом!

Перевела с болгарского
Ирина ВОРОБЬЕВА.

Терновый венец.

КУ-КЛУКС-КЛАН В АНГЛИИ

Рисунок Г. АНАСТАСОВА.

— А это новый вечерний костюм моего хозяина...

Рисунок М. БЕХАРА.

БАЗедава болезнь

К ВОПРОСУ О ЧИСТОТЕ

В одном старом юмористическом рассказе говорилось о человеке, которого убили кувалдой. Юмор заключался, конечно, не в этом. Смешное было в том, что сыщик тщательно исследовал кувалду, пытаясь установить, не смазал ли ее убийца предварительно цианистым калием.

Нередко то, что на книжном листе выглядит забавно, в жизни отнюдь не веселит. В самом деле, представьте себе, что вас собираются ахнуть кувалдой по голове. Ведь ничуть не смешно... И вряд ли вас успокоит заверение, что волноваться нечего, поскольку кувалда заранее хорошенько протерта мокрой тряпкой.

Сейчас матерые заокеанские атомщики заверяют человечество, что, дескать, можно создать этикие «чистые» водородные бомбы, которые при взрыве не дают радиоактивных осадков. Люди требуют прекращения испытаний ядерного оружия, а «чистюли» отвечают: — Помилуйте, зачем? Это же не какая-то

там старая, грязная атомка, а чистая, как стеклышко, стерилизованная, чуть ли не пастеризованная водородная бомба.

Послушаешь — прямо не бомба, а соска для новорожденного.

Простые американцы, как и все другие люди, не верят «чистюлям» ни на грош и зло издеваются над лицемерами, которые, размахивая термоядерной кувалдой, строят из себя благодетелей. Выходящая в городе Сент-Луи газета «Пост диспетч» поместила письмо своего читателя, скрывшегося на всякий случай под псевдонимом «Брат». «Брат» описывает переживания человека, умирающего после атомной бомбежки. Глядя на колоссальные разрушения вокруг, он восклицает: «Какая прелесть! Никаких признаков радиоактивных осадков! Так это, значит, была «чистая» бомба...» Он пошевелил губами и, умирая, прошептал: «Благодарю вас, адмирал Страус» (Льюис Страус — председатель комиссии по атомной энергии).

А в Чикаго все газеты получили письмо от читателя Р. Стемлера, написанное после недавней учебной «атомной тревоги». Стемлер пишет: «Я прочел, что 95 миллионов человек у нас умерло в прошлую пятницу, когда была сброшена водородная бомба. Хотелось бы знать, была ли бомба, уничтожившая меня, «чистой». Я не желаю отправляться на тот свет каким-либо иным способом».

Но Стемлер меньше всего настроен развлекать читателя. Письмо его завершается серьезным призывом честного, глубоко обеспокоенного человека. «Не считаете ли вы, — пишет он, — что пора нам отнестись к этим вещам, как взрослым людям, и потребовать, чтобы правительства всех стран мира договорились немедленно прекратить испытания этих убийственных бомб, будь то чистых или грязных? Это послужило бы первым шагом на пути к полному их запрещению».

Что верно, то верно!

В. МАРКИН

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

Реваншистские заявления боннского военного министра Штрауса во время предвыборных выступлений часто вызвали такое негодование слушателей, что оратору приходилось спасаться бегством под защитой полиции.

— Сразу видно, что господин Штраус выступал перед населением!

КОРОТКО, НО ЯСНО...

ТОЧНОСТЬ ПРЕЖДЕ ВСЕГО!

Агентство Юнайтед Пресс по праву гордится надежностью и точностью своей информации. Достаточно привести один пример, чтобы убедиться в этом. В телеграмме из Токио корреспондент агентства Эрнест Хобрайт сообщает:

«Как говорят, некоторые думают, что русские, возможно, начнут «ограниченную войну» в Азии и попытаются возложить вину за это на США».

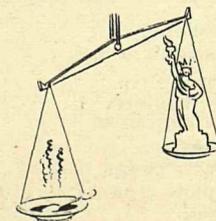
Сия формула представляется нам, однако, чересчур сложной. Мы рекомендуем агентству другую, особо подходящую, когда речь идет об «агрессивных намерениях России»:

«Как высосано из одного хорошо осведомленного пальца, некоторые, возможно, предполагают, а другие, вероятно, догадываются, что русские, наверное, намереваются напасть на Большую Медведицу и попытаются возложить вину за это на США».

Так-то будет правдоподобнее!

КОММЕНТАРИИ НЕ ТРЕБУЮТСЯ

В стране благословенного процветания

Воспроизводим сообщение из недавнего номера американского журнала «Тайм»:

«В городе Милуоки не имеющий крова безработный Джордж Фауст, 51 года, потеряв всякую надежду найти хоть какую-нибудь работу, разбил стекло на бензозаправочной станции и, ничего не украв, сам вызвал полицию и предложил арестовать себя за кражу со взломом».

Судье, который заявил, что это преступление влечет за собой заключение на срок от 1 до 10 лет, он ответил: «Согласен на десять».

Фауст был приговорен к двум с половиной годам тюремного заключения и отправлен в тюрьму Вупон, куда прибыл как раз к ужину».

НА ЗАПАДЕ БЕЗ ПЕРЕМЕН

Рисунок Ю. ГАНЧИКА

— Невозможно слушать! Когда ни включишь — все одна и та же программа!

Мне, члену британской делегации, выпала серьезная задача — написать для «Крокодила» что-нибудь смешное о прошедшем фестивале.

Что ж, начнем с самого начала. Я задаю себе вопрос: что первое мне приходит на ум, когда я думаю вообще о фестивалях? Ответ прост: моя жена, конечно. Сейчас все объясню. Видите ли, Бригитта стала моей женой в силу трех обстоятельств. Прежде всего потому, что в 1949 году в Будапеште состоялся Второй Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Во-вторых, потому, что по Дунаю плавают лодки. И, наконец, потому, что в латинском алфавите названия двух стран — Британии и Болгарии — начинаются с одной и той же буквы «Б».

Все теперь ясно? Нет? Придется тогда объяснить подробнее. Дело в том, что на церемонии открытия фестиваля в Будапеште я увидел хорошенькую черноволосую девушку из болгарской делегации, которая благодаря благословенному латинскому алфавиту находилась рядом с британской делегацией. Затем была лодочная прогулка по прекрасному голубому Дунаю. Короче говоря, на великолепном Московском фестивале я был вместе с моей Бригиттой.

Естественно, что за эти годы у нас не раз случались семейные ссоры, но я и не думаю винить в этом будапештский фестиваль — разве только Бригитту.

И здесь, в Москве, к нашему величайшему удовольствию, мы обнаружили, что и русский алфавит тоже делает свое дело в сближении Востока и Запада. Например, британская делегация жила в Москве недалеко от сельскохозяйственной выставки, в отеле «Турист», корпус 18. Попробуйте догадаться, кто жил в корпусе 19? Ну, конечно же, смуглые веселые болгары!

А теперь позвольте рассказать вам, что случилось во время фестиваля с Энн и Джойс, двумя очаровательными девушками из Лондона. Как-то я встретил их вместе с их болгарским другом Костой, широкоплечим парнем, который играет на тромбоне. Они вместе шли в консерваторию на музыкальный

Питер ТЕМПЕСТ

ЕЩЕ РАЗ О ФЕСТИВАЛЕ

конкурс. От волнения у Косты дрожали губы, и в полный унисон дрожали губы у Энн и Джойс. Позже я узнал от этой взволнованной пары, что Коста получил серебряную медаль. Как хотите, болгарские друзья, но я считаю эту медаль англо-болгарским достижением.

Я должен рассказать также о молодой англичанке Шейле и молодом москвиче Владимире. В течение двух лет они вели дружескую переписку. По пути в Москву Шейла носилась по поезду, показывая каждому прекрасный альбом со снимками Москвы, который прислал ей Владимир, его фото, фото его друзей и всего семейства. Одна лишь проблема беспокоила ее: как она найдет Владимира среди тысяч людей на вокзале? Когда поезд подошел к Москве, мы все бросились на перрон, дав себе клятву во что бы то ни стало найти Владимира. Забыв о здравом смысле, одна из подруг Шейлы подбежала к симпатичному парню и спросила его, как найти Владимира. «Это нетрудно, — ответил тот. — Владимир — это я».

И они тоже стали друзьями, как и тысячи других молодых людей, собравшихся в Москве. И солнце улыбалось фестивалю. А если и бывали во время фестиваля грозы, холодные ветры и дожди, то позвольте мне, как англичанину, то есть человеку, который любит говорить о погоде, предложить одну вполне научную гипотезу. Какой же еще погоды можно было ожидать в Москве, куда съехались негры из экваториальной Африки, канадцы с холодного севера и бирманцы, чья страна является чемпионом по дождям?

Что касается нашей британской делегации, то, естественно, мы привезли с собой наш знаменитый лондонский туман. Может быть, в какой-то степени этим и объясняются некоторые фестивальные неувязки. Автобусы вы-

езжали, чтобы встретить чехов, и встречали венгров. Достав билеты на французский национальный концерт, мы видели акробатов из Пекина. Встречи, которые по расписанию должны были состояться завтра, оказывались состоявшимися вчера.

Но нет худа без добра. Ничего плохого от этих неувязок не случилось. Наоборот, совершенно неожиданно можно было встретиться с итальянским студентом, чья шляпа была усеяна двумя сотнями значков, или с робкой индонезийской девушкой, изучавшей русский язык.

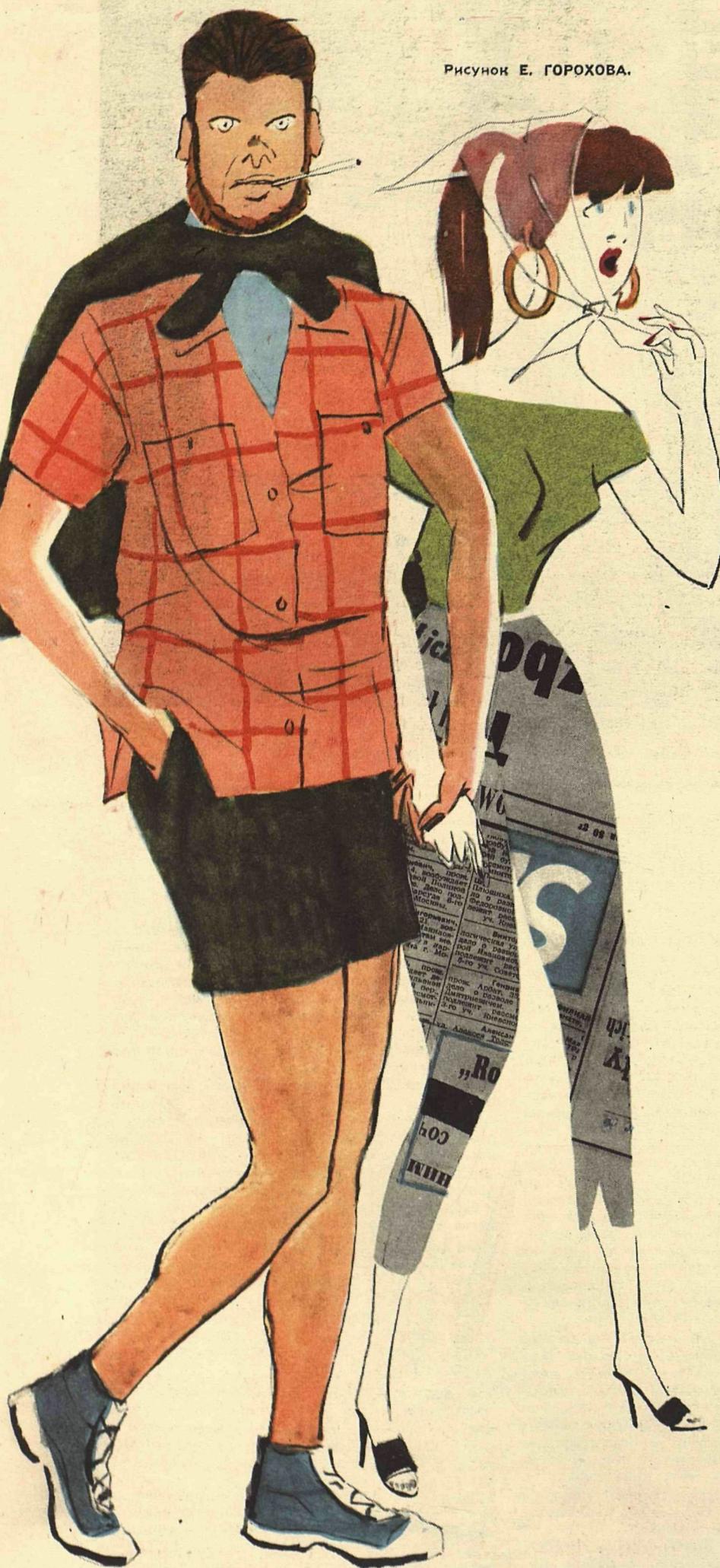
За короткие две недели мы полюбили Москву. Мы полюбили советских людей. Мы восхищены просторной красавицей Красной площадью и Кремлем с его золотыми луковичками. Мы очарованы предупредительностью и приветливостью москвичей, которые были нашими хозяевами. Мы благодарны поварам, которые с необыкновенным терпением готовили нам наши национальные поджаренные хлебцы и каши, так же, например, как макароны и спагетти для итальянцев.

За две недели, проведенные нами в Москве, садовники разбили перед нашими окнами лужайку с прекрасными клумбами. «Завтра, — сказал мне мой товарищ, который хорошо знаком с московскими темпами, — завтра ты увидишь здесь готовый парк с грудными младенцами в колясочках и мамами». И он оказался прав!

В последний день фестиваля, когда огни города начали мерцать в сгущавшихся сумерках, мы стояли с Бригиттой на Каменном мосту и смотрели на Москву-реку, по которой туда и сюда шныряли десятки лодок. Мы вспомнили о нашей встрече в Будапеште и пожелали про себя катающимся: удачной прогулки вам, болгары и англичане, канадцы и китайцы, чехословаки и чилийцы, американцы и русские! И еще мы пожелали им (и себе): до следующей счастливой встречи на следующем фестивале!

Москва—Лондон.

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

Последний вопль моды.

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

У нас к тебе, как к москвичу, большая просьба. Узнай, пожалуйста, там, в Москве, у товарищей Файбусовича (он заместитель начальника «Главкоопметизторга» Центросоюза) и Белякова (а он заместитель начальника «Росглавкоопхозторга»), не бывает ли, упаси боже, у них на столе перебои со сливочным маслом?

Этот вопрос очень нас беспокоит. Понимаешь ли, у нас, по древности лет, пришел в негодность сепаратор и плохо отгоняет жиры из молока. На этом мы ежедневно теряем по несколько килограммов масла. Представь себе такой неприятный случай, что эти недоданные килограммы масла как раз придутся на долю тт. Белякова и Файбусовича.

А нам очень не хотелось бы их обижать. Они наши давнишние знакомые, у нас с ними вот уже больше года ведется оживленная теплая переписка. Посылаем ее тебе, хочешь, познакомясь.

П. РУСАКОВ,
председатель правления
промколхоза «Шенчуга».

Конашский район,
Архангельской области.

ОТ КРОКОДИЛА. Дорогой тов. Русаков! Я познакомился с перепиской, которую вы любезно прислали, и у меня отпала необходимость запрашивать тт. Файбусовича и Белякова, хватает ли им масла. Можете быть уверены — хватает! Больше года вы безрезультатно просили этих товарищей помочь вам в приобретении нового сепаратора. Если бы им не хватало масла, они давно бы спохватились и обеспечили колхоз этой нужной машиной.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ
КРОКОДИЛОВИЧ!

Боюсь, что тебя, ведущего борьбу против браконьерства и потрав, я невольно втравил в неприятную историю.

Недавно я тебе писал о том, что у нас в Кара-Калпакии процветает браконьерство: в запретное время проводится охота на диких кабанов, фазанов, зайцев. Ты направил мое письмо для принятия мер в инспекцию по охоте в город Нукус.

Вскоре получил я ответ. Сочинил его инспектор по охоте тов. Жолаев. Посмотри, с каким жаром и негодованием обрушился тов. Жолаев на... Ты думаешь, на браконьеров? Нет, дорогой, на меня! Вот что он пишет:

«То, что Вы указываете в заявлении, не имеет никакого основания, ибо до сего времени Инспекция не получала никаких сведений от инспекторов по охоте...»

Поэтому Инспекция по охоте просит Вас не заниматься пустой писаниной, если Вами обнаружены какие-либо браконьеры, то сообщить нам для принятия мер, с указанием фамилий и адреса браконьеров, в крайнем случае запишите номер автомашины.»

Вот я и боюсь, что и тебе достанется от тов. Жолаева. Видимо, только одну цель преследует этот инспектор по охоте: отбить охоту выступать в защиту охотничьего хозяйства.

Н. И. ПАВЛОВ

г. Нукус.

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Тебе, конечно, известна народная присказка о глухой куме:

«— Здорово, кума!

— Нет, купила петуха...»

Нечто подобное произошло в Ташкентском институте инженеров железнодорожного транспорта. Там в роли кумы, отвечающей невпопад, выступил ответственный секретарь приемной комиссии.

По долгу службы я обратился в эту комиссию с просьбой сообщить, допущен ли подчиненный мне сослуживец В. Ф. Крымов к приемным экзаменам.

Вскоре я получил ответ, который привел меня в замешательство. О тов. Крымове даже не упоминалось, зато черным по белому на фирменном бланке было написано: «Тов. Лескову. Решением приемной комиссии Вы допущены к приемным экзаменам в ТАШИИТ».

Заманчиво было собрать вещи и поехать в ответ на ласковое приглашение.

Но, к сожалению, очень трудно установить, кто же должен поступить в институт: я или Крымов. Поэтому, товарищ Крокодил, ехать придется, видимо, тебе. Только, когда сдашь экзамены, обязательно проследи, чтобы ответственный секретарь приемной комиссии не зачислил в институт вместо тебя товарища Бегемота!

В. ЛЕСКОВ

Тамбовская область.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Надеюсь, ты не страдаешь невротическими реакциями, гипотонией или, скажем, вегетативной дистонией. Я уверена, что всех этих недугов у тебя нет, ибо в противном случае твое внимание обязательно бы привлекла «Настойка заманихи». Об этом чудодейственном средстве широко и широко объявила газета «Медицинский работник» еще в 1956 году. Всем страдающим вышеперечисленными и другими недугами обещалось значительное облегчение их заболеваний. Но, увы, в Москве и Барнауле, Ленинграде и Омске, где мне довелось побывать за последнее время, — везде меня ждал один и тот же ответ: «Заманихи» в продаже нет».

Тогда я отправила в «Медицинский работник» письмо со всеми моими недоумениями, откуда оно было переслано в Главное аптечное управление Министерства здравоохранения РСФСР.

Оттуда я получила ответ, от которого впору заполучить и невротические реакции и гипотонию. В ответе было сказано: «Обеспечить Вас настойкой заманихи не представляется возможным, ввиду того, что заготовка этих ягод не производится».

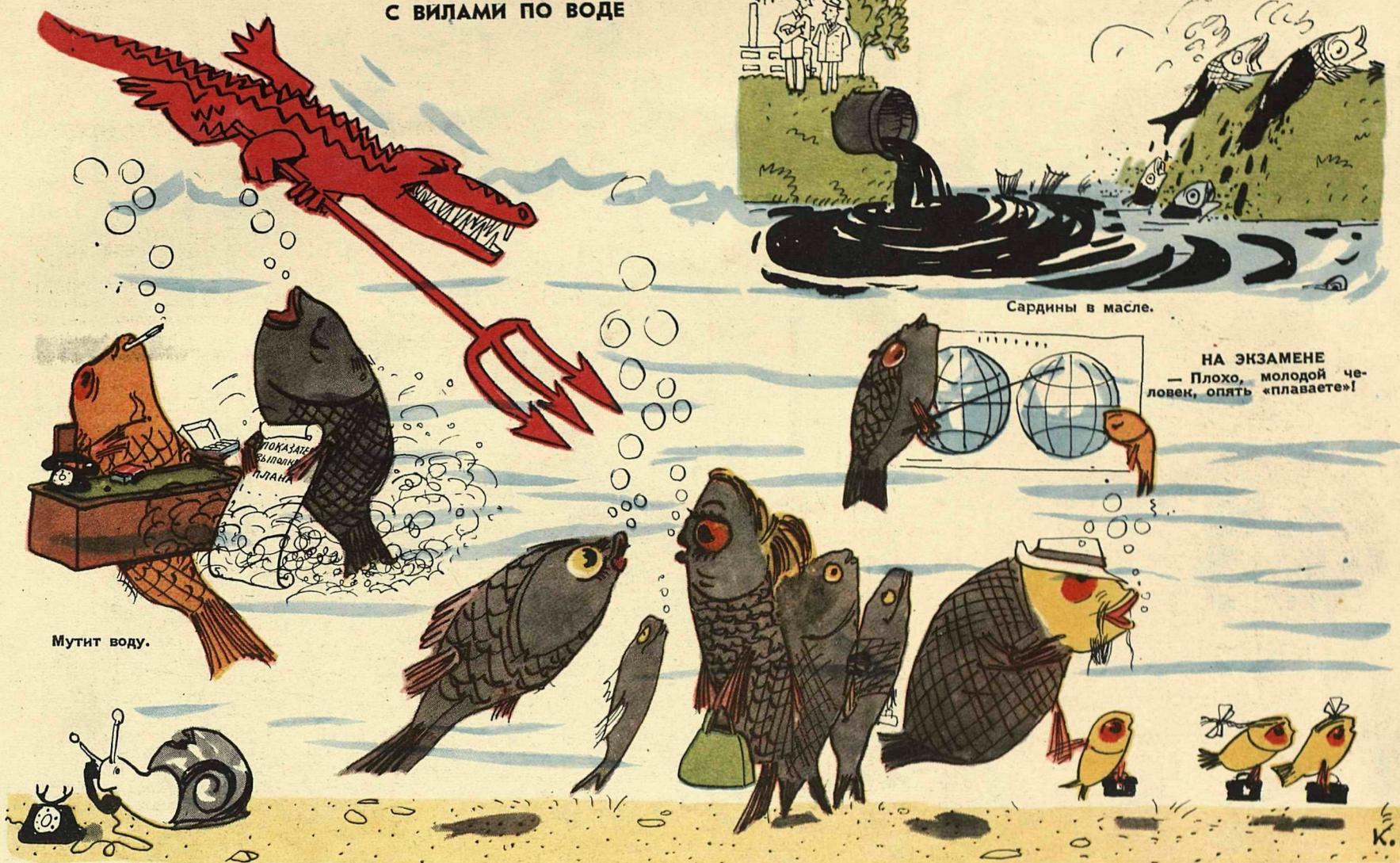
Будь здоров, дорогой Крокодил! Не болей. А если уж случится такой грех, будь осторожен в выборе средств, чтобы тебя не заманили какой-нибудь «заманихой» Министерства здравоохранения РСФСР.

В. КУЛАКОВА

г. Уфа.

С ВИДАМИ ПО ВОДЕ

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

Сардины в масле.

НА ЭКЗАМЕНЕ
— Плохо, молодой человек, опять «плавае»!

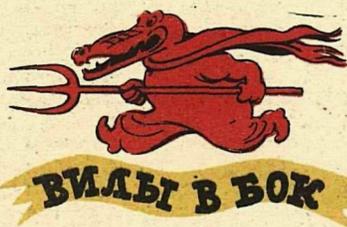
Мутит воду.

— Пришлите наконец слесаря, у меня засорилась раковина.

ЛЮБИТЕЛИ ПОСУДАЧИТЬ

ПАПА-ПЕРЕСТРАХОВЩИК

— Смотри, сынок, не попади под речной трамвай!

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ УНИВЕРМАГ

«Не так давно жители Ангарска получили прекрасный подарок: на проспекте имени Сталина открылся новый универмаг...»
Так, вероятно, будет начинаться заметка в одном из номеров городской газеты «Знамя коммунизма» за 1958-й.

Однако, несмотря на то, что до торжественного момента, предусмотренного планом строительства, осталось не менее года, уже сегодня нам сообщают, что в городе Ангарске универмаг работает.

Люди непосвященные, проходя здесь, видят лишь кирпичный остов недостроенного здания. Но им только кажется, что здание недостроено. На самом деле 60 продавцов ежедневно обслуживают в этом универмаге тысячи покупателей. Не спрашивайте, как передвигаются они по помещению без по-

лов, как торгуют в магазине, в котором нет ни дверей, ни окон, ни лестниц, ни прилавков, ни даже товаров.

Торгует универмаг не просто, а с прибылью, ежемесячный товароборот его — около 7 миллионов рублей.

Вот какие бывают в жизни происшествия: универмага еще нет, а оказывается, он уже есть и торгует вовсю!

Не будем томить читателей. Им, наверное, интересно узнать, как совершаются подобные фокусы. За разъяснением просим обращаться к заведующему Иркутским областным торговым отделом тов. Карнаухову. Это он сообщил Министерству торговли о вводе в эксплуатацию нового ангарского универмага на 60 рабочих мест в IV квартале 1956 года, то есть за два года до окончания строительства.

Министерство, доверившись Карнаухову, быстро утвердило план оборота для новой торговой точки — 19 миллионов рублей в квартал.

Упорный Карнаухов доказал, что несуществующий универмаг может торговать! Товары, предназначенные Ангарскому универмагу, он направил для реализации в Иркутск, а кассовый план закрепил за Ангарском.

И проходят ангарские жители мимо недостроенного здания и даже понятия не имеют, какая бойкая торговля идет за нештукатуренными стенами благодаря ловкости рук тов. Карнаухова. Вот уж действительно есть у кого поучиться цирковым иллюзионистам!..

ТРАНЗИТНАЯ ИСТОРИЯ

Нередко приходится слышать жалобы транзитных пассажиров на разные мытарства и неудобства передвижения по железной дороге. К этим грустным историям можно добавить еще одну маленькую страничку.

Представьте себе, что вы на вокзале в городе Казани. Стоите вы возле камеры хранения ручного багажа и непременно слышите такой разговор:

— Чемоданы так не принимаем. Надо перевязать.

— Товарищ, у меня нет бечевки!

— Платите рубль, перевяжу...

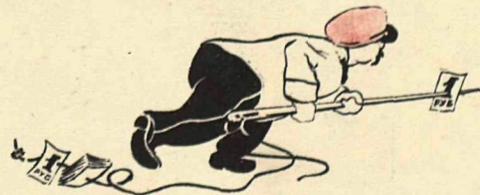
— Мешки так не принимаем. Они должны быть зашиты.

— Да что вы в самом деле! Где я иголку с ниткой возьму?

— Платите рубль, зашьем!..

И так без конца.

Не кажется ли начальнику вокзала, что такие устаревшие порядки слишком долго сохранились в камере хранения?

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ. Редакционная коллегия: И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, И. М. СЕМЕНОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д-331-37. Прием ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 06669. Изд. № 1028. Подписано к печати 29/VIII 1957 г. Формат бум. 70x108¹/₈. Заказ № 2283. Тираж 1 100 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

40 11 СЕН 1957

18630M

Рисунок КУКРЫНИКСЫ.

ХИМЧИСТКА

Всесоюзная
Книжная палата
Обязат. экзempl.
1957 г.

— Нет, мсье, такое пятно мы снять не можем...

